

Московский коммунальный двор как социальное явление

В. Н. Горлов

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
gorlov812@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования определяется тем, что конфликтные ситуации в обществе происходят не только из-за просчетов в политике и экономике, но и из-за некачественных условий проживания граждан, распада системы поддержания жилой среды. В Москве исчезли особые зоны досуга и общения, которые раньше выполняли дворы. В статье анализируется социокультурная эволюция московского двора как общественного пространства. Коммунальный двор стал первичной ячейкой городского социума, обладающей своей особой архитектурно-планировочной формой и пространственно-символической значимостью. Дворовая общность была наиболее устойчивым неформальным институтом, участком непосредственной социальности, учебной моделью общества. В дворовом общении граждан акцентировались различные варианты социальных взаимодействий, отрабатывающих полезные поведенческие стереотипы. Гигантская волна урбанизации, охватившая страну в конце 1950-х годов, решительно меняет облик и строй привычной среды обитания. Появляются первые признаки распада дворового коллективизма. Социально-психологические последствия выразились в резко усилившейся отчужденности городской среды, в формализации межличностных связей, в возросшем безразличии человека к своему ближайшему жизненному окружению. Работа опирается на широкий круг источников, содержащихся в фондах Центрального государственного архива города Москвы. Методологической основой исследования является комплекс общенаучных и специальных исторических методов. Исследование выполнено на основе проблемно исторического анализа с учетом социальных условий того времени.

Ключевые слова: архитектура, двор, жилищное строительство, коммуналки, озеленение, соседство

Для цитирования: Горлов В. Н. Московский коммунальный двор как социальное явление // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 4 (861). С. 54–60.

Original article

Moscow Communal Courtyard as a Social Phenomenon

Vladimir N. Gorlov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
gorlov812@mail.ru

Abstract. The relevance of this research lies in the fact that conflicts in society arise not only from political and economic miscalculations but also from poor living conditions and the collapse of the residential environment maintenance system. In Moscow, the special leisure and social zones that courtyards once served have disappeared. This article analyzes the sociocultural evolution of the Moscow courtyard as a public space. The communal courtyard became the primary unit of urban society, possessing its own distinctive architectural and planning form and spatial and symbolic significance. The courtyard community was the most stable informal institution, a site of immediate sociality, and a model for social instruction. Citizens' interactions in courtyards emphasized various forms of social interaction, honing useful behavioral stereotypes. The gigantic wave of urbanization that swept the country in the late 1950s decisively changed the appearance and structure of the familiar living environment. The first signs of the disintegration of courtyard collectivism appeared. The sociopsychological consequences manifested themselves in a sharp increase in the alienation of the urban environment, the formalization of interpersonal relationships, and increased indifference to their immediate surroundings. The study

draws on a wide range of sources contained in the collections of the Central State Archives of the City of Moscow. The methodological basis of the study is a combination of general scientific and specialized historical methods. The research is based on a problematic historical analysis, taking into account the social conditions of the time.

Keywords: architecture, yard, janitor, housing construction, communal apartments, landscaping, neighborhood

For citation: Gorlov, V. N. (2025). The Moscow communal courtyard as a social phenomenon. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 4(861), 54–60. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Двор следует рассматривать не только как составную часть градостроительства, но, в первую очередь, как пространственный образ организации социальной жизни, «место под жилым домом с ухажом и оградой, забором» [Даль, 1981, с. 422]. Появлению двора предшествовал долгий историко-культурный процесс развития городской среды, становления специфически городских типов жилья и способов расселения.

Вплоть до середины XVIII века Москва жила слободами. Они представляли собой поселки, более или менее обособленные от города, со своими местными управами, расположенными на съезжих дворах. Такие дворы сильно отличались от коммунальных дворов послевоенного советского прошлого, но некоторое сходство всё же было: они принадлежали в равной степени всем слобожанам и являлись информационными центрами, существенными в масштабах поселения. Однако цеховая природа слободы налагала на жизнь печать производственных отношений. Потому съезжий двор был своеобразным специализированным учреждением.

Наряду со слободами необходимо вспомнить и такие давние формы общежития, как гостиный двор и монастырь. И монастырь, и гостиный двор по своим жилищным особенностям были довольно похожи: и там, и там коллективное пользование дворовой территорией сочеталось с «многоквартирностью» жилого образования. Связь гостиного двора с позднейшими видами коммунального двора прослеживается в общности композиционно-планировочных принципов: равномерное распределение жилого сектора по всему периметру двора, пространственная однородность торговой площади, ее непереносимая замкнутость. Монастырь обладал другим свойством – постоянством состава. И монастырь, и гостиный двор по сути своей типично средневековые жилые формирования. Для них характерны как сословная однородность населения, так и неразделимость бытовой и профессиональной сфер жизни и деятельности человека.

Другим видом поселения, типичным для московского средневековья, были боярские и купеческие

усадьбы. Хоромы возводились по линии улицы, поворачиваясь к ней задним фасадом. Двор, соединявшийся с внешним миром посредством арочного или бокового проезда, подобно монастырскому или гостиному двору блистал декоративным великолепием. Планировочная композиция отличалась чисто средневековым равнодушием к визуальной упорядоченности и красоте «наружного» городского пространства, поскольку красота понималась как сугубо внутренняя суть и содержание явлений. Правда, к концу XVII века появляется стремление уже существующих крупных архитектурных комплексов максимально «вывернуться» вовне, украшая и оформляя пространство города.

Серьезные изменения в планировке усадебного дома стали намечаться с переходом русской архитектуры от барокко к классицизму в XVIII веке. Главный дом представлял собой в плане вытянутый прямоугольник или П-образное строение. Перед домом находился полукруглый либо также прямоугольный парадный двор (курдонёр¹); флигели располагались или по сторонам главного дома, или с наружного края парадного двора при въезде наподобие кардегарий². Подобного типа усадьбы были, видимо, настолько удобны для пользования, что по их образцу строились даже такие усадьбы, как Кусково и Останкино [Ильин, 1981].

К середине XVIII века в Москве распространилась мода на курдонёр, представляющий собой результат вполне зрелой концепции городского ансамбля. Курдонёры украшали город и как эстетический феномен полностью принадлежали ему. В социально-демографическом смысле такое жилье принципиально отличалось от всех прежде существовавших видов городских поселений, формировавшихся по какому-нибудь определенному признаку. Здесь наметились первые ростки неформальной соседской общности, ставшие основой формирования московского коммунального двора XX века.

¹Курдонёр (фр. cour d'honneur) парадный двор перед зданием дворца, особняка, усадебного дома. По красной линии обычно отделяется от наружного пространства оградой с воротами.

²Кардегардия (фр. corps de garde) – помещение для караула, охраняющего крепостные ворота.

Постепенно доходное строительство XIX века начинает определять новое лицо города. Под застройку корчевались фруктовые сады, небольшие парки, имевшиеся почти во всех городских усадьбах. Для хозяйственных служб во дворах оставалось всё меньше места: дворы сокращались до минимума под нажимом неуклонно разрастающегося жилого сектора.

Доходный дом, подчиняясь экономическим зонам домовладельца, следовал точно по границам владения, оборачиваясь в плане причудливыми фигурами. Естественно возникал конфликт здания и фасада. В городе создавалась ситуация, прямо противоположная той, которая сопровождала XVII век. Красота как выражение внутренней сущности мира уступала место красоте как внешнему выражению благополучия.

«ОТКРЫТИЕ КОММУНАЛЬНОГО ДВОРА»

С мощным градостроительным процессом конца XIX – начала XX века утверждается комплексный метод проектирования. Модерн возвращает архитектуре некогда утраченное пространственное звучание, стремясь привести к одному эстетическому знаменателю всё «наружное» и всё «внутреннее». Курдонёры часто играли роль композиционной оси, вокруг которой группировались архитектурные объёмы, отмеченные тенденцией к всефасадности.

Представления о городском жилище постепенно менялись. Жилище теперь должно было иметь удобную и экономичную планировку, хорошо освещаться и вентилироваться. Предполагалось устройство мест коллективного отдыха жильцов, детских площадок и т. п. Впервые двор многоквартирного дома наделялся повышенной социальной значимостью, становился объектом специального проектирования и эстетического осмысления. Произошло своеобразное «открытие» коммунального двора как общественно целесообразного пространства. Его общественная роль всячески подвигала архитекторов эстетизировать его социальную функцию, что было полностью в духе времени.

В Москву с конца XIX века из разных деревень страны приезжали молодые люди к своим родным и близким, которые поначалу опекали странников, помогали им адаптироваться к огромному городу, осуществляли социальный контроль. Они давали своим землякам различные прозвища. Об этом можно прочитать в замечательной книге В. А. Гиляровского «Москва и москвичи» [Гиляровский, 2025].

Октябрьская революция опрокинула привычный жизненный уклад, отменила частную собственность, прежнюю систему ценностей, большинство формальных и неформальных общественных

учреждений. После революции начались массовые миграции населения России. Из Москвы уехали многие потомственные горожане. В то же время росло число приезжающих из деревень, а жилой сектор центральных районов «уплотнялся» бывшими обитателями рабочих окраин. В результате складывалась непривычная ситуация: под одной крышей на юридически равных правах поселялись лица крайне различного культурного уровня и общественного положения. Такой тип отношений оказался легко воспринят в условиях тесного и неоднородного соседства.

Строчная застройка жилых комплексов конца 1920-х – начала 1930-х годов, когда типовые здания разворачивались торцами к улице, отступая в глубину кварталов, демонстрировала кризис городского двора как архитектурно-планировочной формы [Иванов, 2015]. Но как ни парадоксально расцвет московского двора в качестве социального явления последовал как раз в эти годы.

Двор стал не просто местом, оставшимся свободным после возведения жилого дома. Коммунальный двор становится первичной ячейкой городского социума, обладающей своей особой архитектурно-планировочной формой и пространственно-символической значимостью. Дворовая общность советской страны была наиболее устойчивым неформальным институтом, которому соответствовала первая попытка послереволюционного общества самостоятельно проявить себя. Это был дикий участок непосредственной социальности, поднявшийся на остатках предыдущего строя. В дворовом общении граждан акцентировались различные варианты социальных взаимодействий, отрабатывающих полезные поведенческие стереотипы. В этом смысле двор являлся школой социальности, ее экспериментальной лабораторией, ее учебной моделью.

Территориальный признак в общении людей становится ведущим. Повсеместно в столице установилось коммунальное расселение. Б. Ш. Окуджава вспоминал: «...все, буквально все жили в коммуналах» [Окуджава, 1988, с. 8].

В значительной мере носителями дворовой общности были советские дети. Свободные от опыта прежнего миропорядка они воспринимали новые соседские отношения обитателей коммуналок как само собой разумеющееся положение вещей. Около пяти-шести лет ребенок активно включался в дворовую жизнь, которая лет до 15–17 оставалась для него одной и основных составляющих его существования.

Таким образом, срок жизни одного «дворового поколения» исчислялся 10–12 годами. До конца 1930-х годов через московский двор прошло

не меньше двух таких «дворовых поколений». В Москве в жилых группах встречались замкнутые, а еще чаще полузамкнутые озелененные дворы или система связанных между собой дворов, образующих внутреннее пространство. В этих дворах у людей создавалось ощущение уюта. Архитектура двора отличалась композиционной законченностью, так как решение функциональной задачи получило здесь соответствующее ей художественное выражение [Зубович, 2023].

В отношении мусора ставилась максимальная задача: отбор и утилизация более ценных частей, использование мусора для удобрения и т. д. Необходимость создания вокруг крупных городов картофельно-овощных баз была подчеркнута в решениях XVIII съезда ВКП(б) и в постановлении Экономического совета при СНК СССР от 15 февраля 1939 года. Для этого был намечен ряд конкретных мер, в частности, принимались меры по использованию мусора городов [Веселовский, 1951].

ПОСЛЕВОЕННЫЙ МОСКОВСКИЙ ДВОР

В послевоенные годы главенствующей фигурой во дворе становится подросток, для которого, в соответствии с возрастной психологией, на первый план выдвигается такое свойство дворового общения, как нерегламентированность. К тому же адаптация подростков к «взрослой жизни» в то время была затруднена более чем когда-либо: пограничный молодежный возраст (20–25 лет) практически отсутствовал, уничтоженный войной, да и старшие поколения значительно поределели. Поэтому двор послевоенного периода часто был не столько включен в социальные структуры города, сколько противостоял им.

Для послевоенного строительства были характерны периметральная застройка жилых кварталов, размещение объектов культурно-бытового назначения и детских учреждений в первых этажах жилых домов, что оказало существенное влияние на планировочное решение свободных от застройки территорий. Участки, предназначенные для отдыха, занятий спортом, как правило, размещались в центре жилых кварталов, при разработке проектов благоустройства и озеленения территории в значительной мере использовались приемы благоустройства и озеленения скверов и бульваров. В озеленении повсеместно применялись регулярные приемы компоновки деревьев и кустарников с высокой нормой плотности их посадок. Всё это дало возможность организовать изолированные от транспорта замкнутые озелененные пространства. Москвичи не любили проходные дворы. Они ценили такое расположение

домов, которое изолирует двор-сад от транзитного движения пешеходов и транспорта. Они отдыхали, глядя из своих окон на озелененное пространство или сидя в тихом саду перед входом в дом.

В послевоенные годы двор был продолжением коммунальной квартиры, пространственно расширяя ее границы, где каждый житель дома находился в родной обстановке. Поэтому ко двору предъявлялись многие из тех требований, которые характерны для жилища. Главное требование – определенная степень изоляции от шума и движения окружающей городской среды, создание условий для нормального отдыха. С этой точки зрения выделение интимных внутренних пространств в виде двора-сада, зрительно изолированного от внешних открытых пространств, было столь же необходимо, сколь и предоставление каждому человеку отдельной комнаты для сна и отдыха. «Зеленая пауза» в застройке должна была играть роль непереносимого компонента жилой группы, она должна была стать повседневным элементом проживания, приближая жилые дома к природе.

Что могло сдружить, объединить разных людей, проживающих в одном доме, направить их на добрые дела? Надо было обозначить их общие интересы, вовлечь в коллективный труд. Ничто так не объединяло людей, как совместный труд на общую пользу. Москвичи гордились своими дворами, делали всё для уюта. Значительную роль в преобразовании двора играло развернувшееся по инициативе москвичей соревнование за высокую культуру и коммунистические отношения в быту.

Первым домом высокой культуры быта в столице был 15-й корпус дома № 28 по Болотниковской улице. Жители корпуса решили сами привести в порядок свой двор, который выглядел очень неприглядно. Совет жильцов корпуса организовывал воскресники. Сначала расчистили и убрали территорию двора, а затем взялись за озеленение. На покупку саженцев деньги были собраны жильцами, которые участвовали в посадках¹. При совете корпуса была создана секция садоводства, которая руководила этой работой. Вскоре двор превратился в цветущий сад – в нем было 500 различных деревьев, 700 кустарников и множество всяких цветов. Возник обычай дарить букеты живых цветов из своего сада тем, у кого день рождения или какое-либо другое семейное торжество. Да и ребят, начинающих новый учебный год, стали провожать в школу с цветами². Появилась новая форма взаимопомощи – добровольная ремонтная

¹Центральный государственный архив города Москвы (ЦГА). ф. П – 92. оп. 1. д. 292. л. 69 – 70.

²ЦГА Москвы. ф. П – 92. оп. 1. д. 292. л. 91–92.

дружина, в которую входили шесть слесарей, три столяра, два электромонтера. По призыву совета дома дружинники привели в порядок наружные двери, отремонтировали инвентарь детской площадки, для футболистов и волейболистов были оборудованы спортивные площадки¹. Таких домов в Москве было немало.

Зеленые насаждения играли важнейшую роль в архитектурно-художественном оформлении территории дворов, в оздоровлении условий быта и отдыха граждан. Обычно дендропроект входил в состав комплексного проекта благоустройства. Для выполнения посадки на небольшом участке достаточно было сделать ее схему с элементарной разбивкой и составлением посадочной ведомости [Мишковский, Рабинович, 1968].

Работы по озеленению дворовых территорий выполнялись как специализированными организациями, так и силами общественности. Известно, что пенсионеры, учащиеся, домашние хозяйки, рабочие и служащие всё более активно участвовали в проведении мероприятий по благоустройству и озеленению. При домоуправлении работала общественная комиссия содействия озеленению Москвы. Она организовывала жильцов для проведения работ по благоустройству дворов, посадке цветников, уходу за зелеными насаждениями и их охране. Данное общественное начинание способствовало развитию коллективного садоводства. Так, в рамках государственной программы преобразования Москвы проходили социалистические соревнования за лучшее озеленение дворов, балконов [О соблюдении общественного порядка и правил благоустройства в Москве, 1958].

При ЖЭК № 1 Фрунзенского района Москвы любителями природы было создано отделение Общества озеленения и охраны природы. Заброшенные дворы они превратили в сады. Своими руками энтузиасты и знатоки своего дела построили теплицу, которая снабжала рассадой цветов. Они также занялись созданием насыпных клумб для цветов². В Химки-Ховрине жильцы кооперативного дома заранее подумали об озеленении двора. Они приглядели сад, оставшийся на территории снесенных домов, и перенесли деревья на новое «местожительство»³. Так же поступили жители дома № 56 по Щелковскому шоссе. Они перевезли от снесенных домов по Б. Черкизовской улице 10–15-летние яблони, вишни, сливы, посадили каштаны, живую изгородь и много других деревьев

и кустарников. Этот дом озеленен был лучше всех на Щелковском шоссе⁴.

Стремление населения украсить свой двор, повысить его эстетический уровень достойно наивысшей оценки. Однако в этом благородном движении вскоре появились тенденции к чрезмерному увлечению посадками, в результате некоторые дворы приобрели характер «джунглей», куда редко проникнул солнечный луч, а цветники отличались такой громоздкостью и «пересортицей», что каждого из них хватило бы на украшение по меньшей мере 4–5 таких дворов. Часто посадка деревьев и кустарников производилась непродуманно, без плана, тем самым нарушался общий ансамбль озеленения двора или площадки. Стремление посадить как можно больше деревьев у своих окон и вдоль стен приводило к тому, что они ломались и погибали при сбрасывании снега с крыш.

Все зеленые насаждения как общегородского, так и внутриквартального значения, образовывали неприкосновенный городской зеленый фонд. Вырубка зеленых насаждений или перенесение их в другие места допускались лишь с разрешения Московского Совета [О соблюдении ..., 1958].

В каждом домовладении (жилые дома, дома учреждений и предприятий) Москвы в обязательном порядке должен работать дворник. Дворы домовладений должны были всегда содержаться в чистоте, подметаться не реже двух раз в день. Ворота домов должны были закрываться в 24 часа, а чердаки и подвалы должны были быть постоянно закрытыми [там же]. Число дворников в домовладении определялось в соответствии с нормами уборки, установленными исполкомом Моссовета. В столице в 1948-м году численность дворников составила 65 тыс. человек⁵. Дворнику предоставлялась жилая площадь [там же].

Советское общество стремилось к тому, чтобы в отношениях между людьми укоренились коллективизм, товарищеская взаимопомощь, чтобы люди жили по принципу «один за всех, все за одного». Иногда жильцы домов выносили из своих коммунальных квартир стулья и столы, начиналось чаепитие. Выставляли патефоны, радиолы, проигрыватели для пользования ими на балконы или подоконники при открытых окнах. В период «оттепели» танцы на асфальте под музыку из окон были частым явлением.

¹ЦГА Москвы. ф. П – 92. оп. 1. д. 292. л. 97–98.

²Москвы. ф. П – 92. оп. 1. д. 292. л. 33.

³ЦГА Москвы. ф. П – 92. оп. 1. д. 292. л. 44.

⁴ЦГА Москвы. ф. П – 92. оп. 1. д. 292. л. 57.

⁵ЦГА Москвы. ф. П – 3. оп. 63. д. 66. л. 35.

ДВОРЫ В ПЕРИОД МАССОВОГО ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Гигантская волна урбанизации, охватившая страну в конце 1950–х годов, решительно меняет облик и строй привычной среды обитания. Поначалу это вызвало бурный энтузиазм: утомленные тяготами коммунального быта советские граждане восторженно приветствовали стремительное увеличение количества новостроек. Лишь со временем осозналась вся тяжесть столь скорого разрушения традиционных жизненных условий.

Появляются первые признаки распада дворового коллективизма. В дальнейшем повышение уровня благосостояния, образованности, расширение интересов горожанина – всё это способствовало постепенному изживанию института соседства. Однако главные перемены были еще впереди.

В конце 1950-х годов началось увлечение так называемой свободной планировкой и застройкой микрорайонов, при которой их составные элементы как бы последовательно «перетекали», создавая аморфную пространственную структуру [Броновицкая, Малинин, Пальмин, 2019]. Абсолютное преобладание инженерного подхода в проектировании массового жилья привело к постепенному освобождению архитектуры от культурного «балласта». В этот период город покинул нас как универсальный мировоплощающий объект. Вместе с городом ушел от нас и городской двор.

В период массового жилищного строительства в 1950–1960-е годы началась война с оградами и заборами, а в 1970–е годы уже можно было в полной мере вкушать ее «победные плоды». Сохранившиеся ворота, калитки, ограды палисадников и парадных дворов – некогда такие привычные, обязательные – стали редкостью, а большинству из них требовалась кропотливая реставрация.

Цельности и разумности в организации внутреннего пространства жилых образований, которые существовали при периметральной застройке, достичь не удалось. Градостроительство потеряло черты искусства. Приоритетными направлениями стали – технические, экономические, строительные.

Целые районы застраивались домами, сделанными без архитекторов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В новых районах не стало дворов, даже дети не объединяются в свои коллективы. В новых «свободных» массивах дети не видят единого центра притяжения, и, завернув за угол, уходят из поля зрения родителей. Одна из главных и важных проблем города – как совместить свободную застройку с уютом дворов, с привычной прелестью закрытых пространств.

Социально-психологические последствия не преминули сказаться в резко усилившейся отчужденности городской среды, в формализации межличностных связей, в возросшем безразличии человека к своему ближайшему жизненному окружению. Многие жители города стали осознавать его как нечто внеисторическое. Город стал осознаваться как застывшая структура, в которой невозможно жить, можно только прижиться. В эпоху урбанизации крупные города всё чаще характеризуются как «железобетонные ландшафты новых массивов», «лес небоскребов», «каменные джунгли».

Старый двор с его скученностью и монотонным бытом, с какофонией звуков из распахнутых окон, со склоками и слухами, с управдомами, участковыми, дворниками, с захламленными сараями, с голубятнями – двор этот и теперь продолжает жить в городской мифологии, в памяти поколений москвичей, выросших в нем и сохраняющих его образ. Острый дефицит обжитости поставил москвичей перед необходимостью освоения, одомашнивания необузданного городского гиперпространства.

Сегодня во всех проектах и мероприятиях, направленных на оживление традиционных городских тканей и гуманизацию новейших, отражается настоятельная общественная потребность в духовной консолидации, в коллективных формах жизнедеятельности, в распространении неформальных основ частного быта на более широкие сферы человеческих отношений. Это свидетельствует о том, что тема двора важна и современна, что двор – не ушедшая форма городского общежития.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский яз., 1981–1982. Т. 1.
2. Ильин М. А. К вопросу о русских усадьбах XVIII в. // Русский город / под ред. В. Л. Янина. М.: Моск. университет, 1981. Вып. 4. С. 157–173.
3. Гиляровский В. А. Москва и москвичи. М.: Юрайт, 2025.
4. Иванов О. А. От Крымского вала до Воробьевых гор. М.: Центрполиграф, 2015.
5. Окуджава Б. Ш. Меня воспитывал арбатский двор // Семья. 1988. № 18. С. 8–10.
6. Зубович К. Москва монументальная. Высотки и городская жизнь в эпоху сталинизма. М.: Corpus : АСТ, 2023.

7. Веселовский Б. Б. Курс экономики и организации городского хозяйства. М.: Госпланиздат, 1951.
8. Мишковский Р.В., Рабинович Г.М. Оборудование жилых территорий в кварталах старой застройки. Л.: Стройиздат, 1968.
9. О соблюдении общественного порядка и правил благоустройства в Москве. М.: Московский рабочий, 1958.
10. Броновицкая А. Ю. Малинин Н. А., Пальмин Ю. И. Москва. Архитектура советского модернизма 1955–1991. М.: Гараж, 2019.

REFERENCES

1. Dal', V. I. (1981–1982). *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka*. V 4-h t. = Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols. (Vol. 1). Moscow: Russkij yaz. (In Russ.)
2. Il'in, M. A. (1981). K voprosu o russkikh usad'bah XVIII v. *Russkij gorod* = On the issue of Russian estates of the 18th century in the book Russian collection of papers City, 4, 157–173. (In Russ.)
3. Gilyarovskij, V. A. (2025). *Moskva i moskvichi* = Moscow and Muscovites. Moscow: Izdatel'stvo YUrajt. (In Russ.)
4. Ivanov, O. A. (2015). *Ot Krymskogo vala do Vorob'evykh gor* = From the Crimean shaft to Vorobyovy Gory. Moscow: Centropoligraf. (In Russ.)
5. Okudzhava, B. Sh. (1988). *Menya vospityval arbatskij dvor* = I was raised by the Arbat courtyard. Family, 18, 8–10. (In Russ.)
6. Zubovich, K. (2023). *Moskva monumental'naya. Vysotki i gorodskaya zhizn' v epohu stalinizma* = Monumental Moscow. High-rises and city life in the era of Stalinism. Moscow: Corpus : AST. (In Russ.)
7. Veselovskij, B. B. (1951). *Kurs ekonomiki i organizacii gorodskogo hozyajstva* = Course of economics and organization of urban economy. Moscow: Gosplanizdat. (In Russ.)
8. Mishkovskij, R. V., Rabinovich, G. M. (1968). *Oborudovanie zhilykh territorij v kvartalakh staroj zastrojki* = Equipment of residential areas in old development areas. Leningrad: Strojizdat. (In Russ.)
9. *O soblyudenii obshchestvennogo poryadka i pravil blagoustrojstva v Moskve (1958)* = On maintaining public order and rules of public welfare in Moscow. Moscow: Moskovskij rabochij. (In Russ.)
10. Bronovickaya, A. YU., Malinin, N. A., Pal'min, YU. I. (2019). *Moskva. Arhitektura sovetskogo modernizma 1955–1991* = Moscow. Architecture of Soviet Modernism 1955–1991. Moscow: Garazh. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горлов Владимир Николаевич

доктор исторических наук, профессор
профессор кафедры исторических наук и архивоведения
Института гуманитарных и прикладных наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gorlov Vladimir Nikolaevich

Doctor of History (Dr. habil.), Professor
Professor of the Department of Historical Sciences and Archival Science
Institute of Humanitarian and Applied Sciences
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

10.03.2025
10.04.2025
27.11.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication